

На правах рукописи

МОТОВНИКОВА Елена Николаевна

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.Н. СТРАХОВА
(ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность 09.00.03 – история философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре философии Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, доцент
Щедрина Татьяна Геннадьевна

Официальные оппоненты: **Синеокая Юлия Вадимовна**,
доктор философских наук, доцент, ФГБУН
«Институт философии Российской академии наук» (Институт философии РАН), заведующая сектором истории западной философии

Марченко Олег Викторович,
доктор философских наук, ФГБОУ ВПО
«Российский государственный гуманитарный университет», философский факультет, профессор кафедры истории отечественной философии

Ажимов Феликс Евгеньевич,
доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВПО
«Дальневосточный федеральный университет», директор Школы гуманитарных наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (РГПУ им. А. И. Герцена)

Защита состоится «23» мая 2016 г. в «13:00» часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.06 на базе ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» по адресу: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» по адресу: 119992, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1., стр. 1 и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» <http://мпгу.рф>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кузнецова Светлана Вениаминовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Философская герменевтика в России относится к числу наименее разработанных областей историко-философского знания. Исследование герменевтических начинаний и программ в истории русской философской мысли локализовано и представлено в нескольких, мало пересекающихся друг с другом исследовательских направлениях. Наиболее значительные исследовательские усилия предприняты по отношению к герменевтическим программам М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета, В.В. Розанова и П.А. Флоренского; однако и эти усилия далеки от завершения. Возникшая в контексте мировой и отечественной мысли XIX в., русская философская герменевтика никогда не становилась университетской образовательной традицией. В XX столетии эпоха расцвета философской герменевтики в зарубежной философии совпала с вытеснением ее на познавательную периферию в России. Сбереженная преимущественно как некая особая форма литературоведения, русская герменевтика переоткрывается в конце XX – начале XXI вв. как собственно философское движение усилиями С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, В.В. Библихина и др. уже в новом контексте – во многом благодаря переводам и исследованиям трудов западных мыслителей герменевтического склада (М. Хайдеггера, Г.Г. Гадамера, П. Рикера, Э. Бетти, А. Бело и др.). С конца 80-х гг. прошлого столетия это движение становится предметом систематического внимания и областью архивных разысканий и реконструкций В.Г. Кузнецова, Л.А. Микешинной, С.Г. Бочарова, В.Л. Махлина, С.С. Хоружего, В.П. Зинченко, Т.Г. Щедриной, Л.А. Гоготишвили, К.Г. Исупова, Н.И. Николаева, Н.П. Ильина, П.А. Ольхова и др. Мало-помалу вовлекаются в сферу историко-философских исследований герменевтико-ориентированные труды русских мыслителей XIX столетия – А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка и др. Становятся предметом специального исследования герменевтические установки ближайших к нам наших старших современников – А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, В.В. Библихина и др. Однако и к середине 10-х годов нынешнего столетия внимание исследователей к отечественной философско-герменевтической традиции нельзя назвать устоявшимся и вполне развившимся в эпистемологическом и проблемно-тематическом отношениях. Остается во многом неясной сама «сфера разговора» – особая, концептуально открытая, диалогическая реальность, в которой возникала и крепла русская герменевтическая мысль.

Уточнение этой реальности, ее историко-философских контуров и смысловых доминант предполагает интенсификацию исследований в отношении ее первых активных творцов и участников, к числу которых следует отнести Николая Николаевича Страхова (1828–1896). Почти забытый к концу XX в., воспринимаемый тогда чаще всего как периферийный литературный критик, Страхов, как выясняется, был авторитетным, основательным собеседником или прямым оппонентом для русских мыслителей 60–90-х годов

XIX столетия, очень разных по своим исследовательским предпосылкам и намерениям. Сам он числил себя учеником А.А. Григорьева; в течение десятилетий он был надежным сотрудником и корреспондентом, искренним другом для Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.Я. Данилевского, И.С. Аксакова, А.А. Фета, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, А.М. Бутлерова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка и др., сходящихся со Страховым, при всех различиях, в своей приверженности к откровенному, критически открытому и целостному, ответному по своим установкам, концептуально плюралистическому «совместному мышлению» (Г.Г. Шпет).

К концу XIX в. Н.Н. Страхов был признан как «один из самых прочных и прекрасных памятников русского философского писательства в XIX веке» (Н.Я. Грот) – памятников «понимающей» русской философии, историю которой теперь так трудно восстановить. Его труды, как правило, публицистичны, – ограничены тем или иным журнальным жанром, а то и жанровой маской, под которой он выступал; однако, как это обстоятельно обосновывает Н.П. Ильин, Страхова можно было бы признать «первым классиком» русской философии, поскольку он с «полной ясностью» очертил проблемное поле русских философских исследований, – все то, что теперь определяется через дисциплинарное различие эпистемологии, философии и методологии науки, философской антропологии и философии культуры, философской психологии, эстетики, этики и собственно истории философии. В его работах обнаруживаются прямые переклички с идеями К. Поппера, А. Уайтхеда, Л. Витгенштейна, Г.Г. Гадамера, М.М. Бахтина и др. Целеполагание всей герменевтически ориентированной философии Н.Н. Страхова, шло ли дело о проблеме рационализма и природы научного знания, загадке человеческой души, тайне поэзии, типологии мировых цивилизаций, судьбе славянской культуры или значении конкретного философа в истории мысли, всегда было ориентировано на аргументативно отчетливое понимание предмета исследований, соблюдение органического единства мышления, историчного и несводимого ни к каким окончательным, автономным теоретическим формам. В страховском «методе ставить и развивать понятия», реализовавшемся в его публицистических философских высказываниях, заметно особое стилистическое единство мышления, в котором скептически выверенное признание беспредпосылочных начал познания сочетается с умением критически удержать мысль, стремящуюся к теоретической самодостаточности. Эта особенность обосновывает еще один аспект актуальности обращения к философско-публицистическому опыту Н.Н. Страхова именно в плане выявления его «стратегического» характера. В современной науке, осуществляющей комплексные исследовательские проекты, как показывает Б.И. Пружинин, все большее значение приобретают не стандартизированные методологии, а именно методологические стратегии – способы методологической ориентации исследователей, где традиционные методологические нормы приобретают характер не жестких стандартов, но гибко подбираемых инструментов исследования, что обеспечивает

возможность предварительного понимания, истолкования и определения путей дальнейшего изучения принципиально новых проблем, порожденных жизнью и практикой и не подпадающих под квалификационные определения уже сложившейся предметно-дисциплинарной системы. Подобную гибкость мы встречаем и в тех публицистически (то есть жизненно-практически) ориентированных методологических поисках Н.Н. Страхова, которые уместно назвать герменевтическими стратегиями и которые часто встречали непонимание и даже осуждение более жестко научно-идеологически ориентированных его современников. Изучение наследия мыслителя такого масштаба и склада – непереносимое историко-философское условие понимания истоков и перспектив философской герменевтики в России.

Степень разработанности проблемы. Современные исследования истории русской философии переживают интенсивный период пересмотров концептуальных исследовательских программ, открытия новых и переоткрытия известных архивных ресурсов, возобновления прежде подвергшихся жесткой интерпретации имен. Ответно общим теоретико-методологическим «вызовам XXI века» (Н.В. Мотрошилова) возникают новые постановки проблемы историзма русской философии, несводимости русских философских практик к линейным схемам происхождения и развития ее основных тем, исследовательских форм и направлений. Новое понимание русской философии как особой, целостной культурно-исторической реальности различным образом формируется и развивается в работах Т.В. Артемьевой, Е.В. Бессчетновой, Н.К. Бонецкой, Е.А. Бутиной, А.Г. Гачевой, М.Н. Громова, Н.А. Дмитриевой, И.И. Евлампиева, А.А. Ермичева, А.Ф. Замалеева, К.Г. Исупова, В.К. Кантора, А.П. Козырева, А.Н. Круглова, А.В. Малинова, О.В. Марченко, М.А. Маслина, В.Л. Махлина, М.И. Микешина, Л.А. Микешиной, В.Й. Повилайтиса, В.Н. Поруса, А.И. Резниченко, Ю.В. Синеокой, А.В. Черняева, Т.Г. Щедриной и др. Возникла и реализуется потребность сосредоточиться на XIX веке – ненаивном и весьма насыщенном в проблемно-тематическом отношении. Многие узловые пункты русских философских исследований XX века, его драматической и поучительной истории, определялись в XIX столетии. «Долгий» (Э. Хобсбаум) XIX век в России, как уже теперь ясно, был временем «цветущей сложности», несводимым в своих исторических основаниях к гегелевско-марксистским или позитивистским сюжетам, программным инициативам отдельных мыслителей. Сильным и многообразным было влияние немецкой традиции (как это показали В.Ф. Пустарнаков, Н.А. Дмитриева, М.А. Ходаневич, А.Н. Круглов и др.); не были, надо полагать, гениальной внезапностью выдающиеся труды В.С. Соловьева, ставшие едва ли не самым ярким событием в 80–90-х гг. XX в., в самом начале современной истории русской философии (проблема целостности человеческого сознания и познания, которая, в числе других, систематическим образом занимала Соловьева, была им усвоена и развита в его весьма подвижной и продуктивной «сфере разговора») и т.д.

Возобновление интереса к философии Н.Н. Страбова в современной истории философии, между тем, все еще находится в фазе предварительных концептуальных поисков и архивных переоткрытий. Страхов был изгнан из актуальной философской памяти практически сразу после смерти, когда была актуальна борьба различных философских партий и очень немногим удавалось сохранять интерес к мыслителю энциклопедического склада, сторонившемуся всякой окончательности, «мертвых точек» в философском исследовании. Признательность к нему как к своему первому учителю сохранял В.В. Розанов, о нем размышляли Д.И. Чижевский, П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев; можно предположить преемственность его мысли и мысли М.М. Бахтина. Однако философские симпатии русского общества тогда распределялись по большей части между мыслителями совсем других познавательных ориентаций.

После без малого векового перерыва, в конце XX – начале XXI вв. первые значительные исследования философского мировоззрения Н.Н. Страбова были реализованы Н.Н. Скатовым, обратившим внимание на особое положение Страбова в истории литературной критики, и Н.П. Ильиным (Мальчевским), указавшим на Страхова как на крупнейшего позабытого мыслителя в трагической истории русской философии. Ильиным же был впервые обстоятельно представлен целостный очерк философской антропологии и культурно-исторических взглядов Н.Н. Страбова, предвосхитившего, а в некоторых отношениях и превзошедшего исследовательские инициативы XX в. Важнейшие реконструкции интеллектуальной биографии и архивного наследия Н.Н. Страбова были предприняты М.И. Щербаковой, опубликовавшей юношескую переписку Страбова с его духовником о. Иоанном (Скивским), переписку Страбова с И.С. Аксаковым и др. Крупный источниковедческий вклад в исследование лаборатории страховского мышления внесли публикаторы и комментаторы наследия В.В. Розанова (И.А. Едошина, А.Н. Николюкин, В.А. Фатеев и др.). В это же время состоялась актуализация Н.Н. Страбова в западной интеллектуальной истории – благодаря Л. Герштейн, указавшей на Страхова как на особого русского славянофила, и Группе славянских исследований при Оттавском университете (А.А. Донсков, Д. Орвин, Дж. Вудсворт, при участии Л.Д. Громовой-Опульской и др.), переиздавшей беспрецедентную четвертьвековую переписку Толстого и Страбова, поддержавшей переиздание переписки Страбова с Аксаковым и др.

В конце 90-х годов XX в. и в первые полтора десятилетия XXI в. были опубликованы работы, в которых предварительно дисциплинарно идентифицировалось мышление и личность Н.Н. Страбова; при этом наибольший интерес со стороны исследователей вызывали его внешняя репутация идеолога почвенничества и консерватизма (Л.Р. Авдеева, А.В. Богданов, А.А. Васильев, А. де Лазари, А. Сметанников, Чжу Цзяньган и др.), а также главного защитника концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в многолетней полемике с В.С. Соловьевым (Б.П. Балуев, А.В. Белов, Н.А. Жукова, В.А. Фатеев и др.)

Среди исследований собственно философской предметной направленности особое внимание обращалось на страховский антропологизм или «диалогизм» (Е.А. Антонов, Л.А. Виликотская, С.М. Климова и др.), его место в истории философского органицизма (А.В. Белов, Ю.М. Микитюк), в русском шеллингианстве (М.А. Ходаневич) и, в целом, в мировой истории философии (Н.З. Бросова, В.А. Жучков и др.). Вызывает интерес исследователей его философия истории (П.А. Ольхов), философия педагогики (В.С. Лыкова, М.А. Шарова и др.) и иные специальные темы: философско-религиозные искания (Н.К. Гаврюшин), философия науки (О.Д. Маслобоева), сотрудничество с журналом «Вопросы философии и психологии» (А.П. Пушкарев) и пр.

Продолжаются филологические изыскания вокруг литературно-критического наследия Н.Н. Страхова: к написанным еще в 70-80 гг. XX в. трудам Э.Г. Бабаева, Н.А. Горбанева, У.А. Гуральника, В.Я. Кирпотина, Н.Н. Скатова прибавились работы нового поколения литературоведов, в которых неизменно преобладает интерес к творческим и личным взаимоотношениям Страхова с Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым (С.В. Белов, А.А. Донсков, В.Н. Захаров, Л.Л. Легошина, В.В. Тихомиров, А.В. Тоичкина, С.С. Шаулов) и к особенностям его литературно-критического метода (Т.В. Ведерникова, С.П. Гринева, К.А. Кокшенева, А.Н. Першкина).

Предварительная попытка комплексной интеллектуальной биографии Н.Н. Страхова была предпринята Н.В. Снетовой.

Вплотную подошли к переоткрытию русской герменевтики со стороны исследования литературно-критической методологии XIX в. филологи, занимавшиеся «органической критикой» А.А. Григорьева, – М.Г. Зельдович, А.И. Журавлева, В.П. Раков; к ним весьма близок Н.Н. Скатов, первый крупный современный исследователь-филолог, посвятивший себя исследованию литературной мысли Страхова. Истоки русской герменевтики в XIX веке ищет в работах последних лет Н.К. Бонецкая, в связи с опытом философских исследований Серебряного века.

Особо следует выделить позицию Н.П. Ильина, который не считает возможным отождествить философскую герменевтику как универсальную теорию понимания, основывающуюся, как он полагает, на позитивистской феноменологии, с национальной программой культуры понимания (на основе самопонимания), предложенной А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым; тем самым Ильин недвусмысленно указывает на культурно-историческое своеобразие русской герменевтики. Другая отмеченная Ильиным особенность состоит в том, что именно в научно-философской публицистике и литературной критике философские размышления Страхова получают свою необходимую конкретизацию, непосредственно выступают как форма культурного и национального самосознания и понимания. Близкое понимание философской публицистики отстаивает и А.Л. Семенова на примере полемики «нулевых» годов XX века о новом обществе и новом человеке; можно было бы показать

прямое продолжение в них полемик 60-80-х гг. XIX века о «нигилизме», в которых принимал активное участие Н.Н. Страхов.

Первое современное исследование оснований философской герменевтики Н.Н. Стрхова в порядке историко-философского *casestudy* было осуществлено П.А. Ольховым и поддержано Н.К. Гаврюшиным по мере уточнения страховской методологии как «метафизической воздержанности». Герменевтико-публицистическую маску «Н. Косицы», под которой написан и опубликован корпус философско-публицистических работ Стрхова в современных ему журналах «Время», «Эпоха» и «Заря», в последние годы исследует А.Н. Першкина.

Цель данного диссертационного исследования заключается в реконструкции основных герменевтических стратегий философской публицистики Н.Н. Стрхова в контексте русской философской мысли второй половины XIX–XX столетий.

Достижение поставленной цели связано с решением следующих **задач**:

- раскрыть истоки герменевтической традиции русской философии в контексте современных историко-философских и историко-филологических споров;
- дать общую содержательную и методологическую характеристику философской публицистики Н.Н. Стрхова; выявить основополагающие эпистемологические и мировоззренческие установки и принципы его исследовательской и просветительской деятельности;
- реконструировать герменевтические приемы в историко-философских исследованиях Н.Н. Стрхова;
- показать герменевтический характер органического понимания истории в совместной разработке Н.Н. Стрхова с А.А. Григорьевым;
- выявить и акцентировать экзистенциально-личностные и коммуникативные аспекты герменевтического мышления Н.Н. Стрхова; проанализировать герменевтические особенности его языка и стиля письма;
- раскрыть герменевтические основания социально-философского исследования Н.Н. Стрховым национального вопроса;
- прояснить предпосылочные основания полемики Н.Н. Стрхова с В.С. Соловьевым.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования.

Под герменевтическими стратегиями в диссертации понимается ориентированное на конкретно-историческую предметность и жизненно-практический здравый смысл постижение, осмысление в определенном контексте ценностно значимых событий, явлений, текстов, не связанное жесткими стандартами научности и теоретико-методологической монопарадигмальностью.

Герменевтические стратегии философской публицистики Н.Н. Стрхова требуют для своего обнаружения и раскрытия адекватных исследовательских

приемов герменевтического же порядка. Яснее всего они проявляются при исследовании содержания и стиля журнальных полемик с позиций широко понимаемой теории и практики аргументации, исторической реконструкции авторских аргументативных стратегий, выявления в рассуждениях формальных и неформальных компонентов полемической логики и риторики, психологических и социокультурных, научных и повседневных предпосылок и контекстов. Поэтому в диссертации, помимо известных в традиции систематической философской герменевтики методологических подходов Г.Г. Гадамера, П. Рикера, Э. Бетти, применяются подходы, разработанные в неформальной логике в порядке анализа герменевтики отношения формального и неформального (И.Н. Грифцова), эпистемологии гуманитарных наук (Л.А. Микешина), диалогически ориентированной гуманитарной эпистемологии (В.Л. Махлин).

Исследование опирается самым существенным образом на достижения проекта культурно-исторической эпистемологии, в котором была предпринята концептуализация понятий эпистемологического стиля, архива эпохи, сферы разговора, внутренней формы слова и др. (Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина), и в связи с которым развивается как особое органическое развитие этого проекта – специальное исследование вопроса о методологических стратегиях (переводческих, конвенциональных, интерпретативных и др.) современных эпистемологических исторических реконструкций (Н.С. Автономова, Ф.Е. Ажимов, В.П. Зинченко, Л.А. Микешина, И.И. Мюрберг, П.А. Ольхов, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина и др.). В рамках этого проекта, в частности, показана специфическая методологическая практичность герменевтики как следствие ее непрерывной погруженности в повседневность и жизненную активность (Ф.Е. Ажимов). Особое значение для анализа философского творчества Н.Н. Стрехова имеет концепт *эпистемологического стиля* русской интеллектуальной традиции, под которым здесь понимается самобытность научно-философского поиска, своеобразное понимание историзма, акцентуация личностного смысла познания и антиномичная трактовка рациональности, в которой полагается необходимым единение истин разума с личной искренностью и правдой в отношениях.

Так же значимы для методологического обеспечения осуществленного исследования эпистемология и философия естествознания как культурно-исторического феномена (П.П. Гайденко, Н.И. Кузнецова, Л.А. Микешина, В.Н. Порус) и эпистемология русской религиозной философии (В.Н. Порус), практика архивно-эпистемологической реконструкции (Т.Г. Щедрина).

В силу специфики предмета в диссертационном исследовании применяется методология *casestudies*, позволяющая сочетать методы герменевтической реконструкции, биографического анализа и проблемно-тематического анализа источников в общем культурно-историческом контексте (применительно к философскому наследию Н.Н. Стрехова методология апробирована в диссертационном исследовании П.А. Ольхова).

Философская публицистика в настоящем исследовании понимается не столько как специфический жанр журналистики, сколько как основная форма философского творчества в России середины XIX века, когда философия была деинституционализована как университетская дисциплинарная практика (1850-1863 гг.), а затем возобновлялась в университетах и межуниверситетской интеллектуальной среде посредством литературно-философских журналов. Так, основанный в 1889 г. журнал Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии», с которым сотрудничал Н.Н. Страхов, будучи специализированным, сохранял ориентацию на широкий круг образованных читателей. К философской публицистике XIX века относятся работы общего литературно-критического характера, статьи и полемики в журналах по вопросам новейших научных открытий и их мировоззренческого значения, поскольку в этих статьях делались выводы о новом понимании основ бытия общества и человека, знания и веры, свободы и закономерности, этики и эстетики и т.п. На этих основаниях, **источниковую базу** диссертационного исследования составили:

- общепублицистические, естественнонаучные и литературно-критические статьи Н.Н. Стрехова, опубликованные в журналах конца 50-х–90-х гг. XIX в. и объединенные самим Стреховым в монографические сборники «Философские очерки» (1895), «Мир как целое: черты из наук о природе» (1892, 2-е изд.), «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1894, 2 изд.), «Борьба с Западом в нашей литературе» (1-я книжка 1882 и 1887; 2-я 1883, 1887 и 1890), «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1888); «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» (1885, 1887 и 1895);
- материалы журнальных полемик Н.Н. Стрехова с революционно-демократической критикой 60-х гг. «Из истории литературного нигилизма» (1890), полемики с А.М. Бутлеровым в сборнике «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (1887) и с Вл. Соловьевым в третьей книжке «Борьбы с Западом» (1896);
- литературно-критические статьи и воспоминания о Н.Н. Стрехове К.Н. Бестужева-Рюмина, А.И. Введенского, А.Л. Волынского, Ю.Н. Говорухи-Отрока, В.А. Гольцева, Н.Я. Грота, С.А. Левицкого, К.Н. Леонтьева, Н.К. Михайловского, Б.Н. Никольского, М.А. Протопопова, Э.Л. Радлова, В.В. Розанова, Ф.Э. Шперка и др.;
- опубликованные материалы переписки Н.Н. Стрехова с И.С. Аксаковым, П.Д. Голохвастовым, А.А. Григорьевым, Н.Я. Данилевским, К.Р., В.В. Розановым, В.С. Соловьевым, Л.Н. Толстым, А.А. Фетом;
- впервые вводимые в научный оборот архивные материалы переписки Н.Н. Стрехова с К.Н. Бестужевым-Рюминым и П.Д. Голохвастовым;
- литературно-критические работы и письма Ап. Григорьева как литературного учителя и философского единомышленника Н.Н. Стрехова;

- материалы герменевтических коллизий 10-20-х гг. XX в., за которыми последовало вытеснение собственно герменевтической традиции из актуальных практик русских философских исследований (полемики А.И. Введенского и В.А. Тер-Ваганяна).

Отдельные наиболее важные источники представлены в приложении как иллюстративный материал, требующий герменевтического анализа непосредственно в рамках темы диссертационного исследования.

Научная новизна исследования. В диссертации предпринято исследование и историко-философская реконструкция основных герменевтических стратегий философской публицистики Н.Н. Страхова в контексте русской философской мысли второй половины XIX столетия.

При этом получены следующие результаты:

- раскрыто содержание проблемы истоков герменевтики в русской философской публицистике XIX в. и показаны ближайшие перспективы ее разработки;
- философская публицистика Н.Н. Страхова проанализирована и охарактеризована в аспекте ее полемического стиля; выявлены основополагающие мировоззренческие и эпистемологические установки и принципы исследовательской и просветительской деятельности Н.Н. Страхова;
- проанализированы на метауровне типичные герменевтические приемы в историко-философских исследованиях Н.Н. Страхова;
- выявлены основные смыслы и неявные предпосылочные компоненты в структуре органического понимания истории, разработанного в публицистике Н.Н. Страхова и А.А. Григорьева;
- рассмотрены социально-коммуникативные контексты и экзистенциальные установки творчества и личного общения Н.Н. Страхова; проанализированы специфические черты страховского языка, стиля его мышления и письма;
- рассмотрены герменевтические полемические стратегии исследования Н.Н. Страховым национального вопроса;
- показаны ценностно-эпистемологические основания полемики Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева;
- введены в научный оборот архивные документы переписки Н.Н. Страхова с К.Н. Бестужевым-Рюминым и П.Д. Голохвастовым.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты исследования вносят существенный вклад в современное понимание истории русской философской герменевтики. Историко-философская реконструкция герменевтических исследовательских стратегий в творчестве одного из основателей русской философии Н.Н. Страхова, выполненная в диссертации посредством *casestudies*, способствует уточнению представлений о методологическом арсенале русских мыслителей XIX века и намечает новые перспективы в исследовании проблемы русской герменевтики. Исследование

также является новым шагом к сближению историко-философских и историко-литературных исследований, способствует интенсификации изучения и радикальной переоценки места и значения в культуре ключевых фигур интеллектуальной истории России.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов для студентов и аспирантов по философии, истории философии, философии социальных и гуманитарных наук, спецкурса по актуальным проблемам истории русской философии, а также привлекаться при подготовке курсов по теории и истории культуры, теории и практике аргументации, психологии и отечественной истории.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Русская философская публицистика, пережившая своей первый масштабный расцвет в литературно-философских и научных журналах конца 50-х – 90-х гг. XIX в., являясь целостным и концептуально нелинейным явлением в истории русской философии, содержит в себе герменевтические условия понимания единства русского философского мышления, его полемической специфики.
2. Н.Н. Страхов одним из первых русских мыслителей указал границы эффективности теоретически отвлеченного мышления и конкретно-исторически описал опасности отвлеченного схематизма в познании мира как целого, уточнил необходимость гуманитарной поликонцептуальности в онтологической перспективе философских полемик и стратегий аргументации – при сохранении приверженности вечным истинам, предстающим в практических идеалах красоты, добра и правды.
3. Философско-публицистическое наследие Н.Н. Стрхова является свидетельством его подвижнической просветительской деятельности по формированию в русском обществе конкретно-теоретических идеалов и эпистемологически ответственной культуры философского мышления, органического, избегающего крайностей догматизма и скептицизма или абстрактно-теоретической самодостаточности.
4. Обширное страховское эпистолярное наследие позволяет уточнить многообразие социально-коммуникативных контекстов и единство экзистенциальных установок творчества и личного общения Н.Н. Стрхова, показывает практическую герменевтическую открытость и целостность его философского опыта, свидетельствует о глубокой искренности, бесстрашии и целостности личности и мышления Н.Н. Стрхова.
5. Самобытность мышления, изощренность аргументативных приемов, избегание шаблонов, простота и литературное изящество стиля, ирония и языковая игра, выступление «под маской» и строгое воздержание от высказывания недодуманной мысли – эти черты философской публицистики Н.Н. Стрхова были ему сознательно дороги и являлись непривычными для современного ему массового читателя, склонного к следовать за идейно-типическими сюжетами или усматривать в истории

философской мысли идеологическое противостояние, борьбу за или против новых или возобновляемых идей.

6. Органическое историческое понимание, как его разрабатывали Н.Н. Страхов и А.А. Григорьев, опирается на непосредственное живое «историческое чувство», позволяющее рационально понять историю как жизненное целое в противоположность метатеоретическим (прогрессистским) воззрениям на историю.
7. Н.Н. Страхов в течение всей своей творческой жизни сохранял интерес к «роковому» вопросу о национально-культурной идентичности, полагая, что поиск решения должен вестись в конкретно-смысловой реальности историчной социальной практики.
8. Одно из важнейших событий истории русской философии XIX в., спор между Н.Н. Страховым и В.С. Соловьевым из-за концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, – неидеологический со стороны Н.Н. Страхова, – имеет значение как опыт смысловой, стилистико-познавательной асимметрии, радикального расхождения в ценностно-эпистемологических предпосылках оппонентов.
9. Историко-философские исследования Н.Н. Страхова имеют в своем основании глубокий герменевтико-эпистемологический настрой, характеризующийся стилистическим единством содержательной ясности, метафизической осмотрительности и концептуального плюрализма.
10. Отношения Н.Н. Страхова с немногочисленными преемниками (учениками) были основаны на принципах свободы и ответственности, взаимного искреннего интереса и обусловлены поколенческой дистанцией, создававшей возможность продуктивного применения герменевтических стратегий в обоюдном анализе творчества учителя и учеников.

Апробация результатов научного исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в 37 публикациях общим объемом 28,25 п.л., из них 16 статей в журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации (10,55 п.л.) и трех монографиях (7,95 п.л.).

Апробация работы осуществлялась по мере её выполнения при чтении специальных курсов по социальной философии и философии науки для студентов Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Белгородского государственного технологического университета, Белгородского государственного национального исследовательского университета. Основные положения и выводы исследования получили освещение в научных публикациях автора, а также в его выступлениях: с докладом «О философии языка и языке философии» на III Российском Философском Конгрессе (Ростов-на-Дону, 16–20 сентября 2002 г.), с докладом «К проблеме социального диалога» на Втором международном симпозиуме «Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии» (Хабаровск, 18-19 мая 2006 г.), с докладом «Стратегии понимания: коллизии

социальной аргументации» на 4-й Всероссийской конференции «Проблемы российского самосознания» в ИФ РАН (Москва, 27–29 мая 2009 г.), с докладом «Аналитическая философия и герменевтика: точки соприкосновения» на постоянно действующем семинаре ИФ РАН в Белгородском государственном университете «Современная философия в критическом диалоге с собственной традицией» (Белгород, сентябрь 2009 г.), с докладом «Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: к онтологическим основаниям одного исторического спора» на заседании регионального круглого стола, посвященного 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого «Творческое наследие Л.Н. Толстого в современном гуманитарном сознании» (Белгород, 16 декабря 2010 г.), с докладом «Единство научного знания как культурно-историческая проблема (к органической типологии Н.Н. Страхова)» на Международной научной конференции «Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы» (Владивосток, октябрь 2011 г.), с докладом «Славянский вопрос в философской публицистике Н.Н. Страхова» на VIII международной научно-практической конференции «Проблемы гармонизации многонациональных отношений на постсоветском пространстве» (Харьков, 19 декабря 2012 г.), с докладом «Духовная культура: к проблеме разговора» на I Международной научно-практической конференции «Евангелие в контексте современной культуры» (Белгород, 15 мая 2013 г.), с докладом «К проблеме методологического статуса интерпретации» на научной конференции «Конвенция как методологическая стратегия социально-гуманитарного знания» (Владивосток, 14–19 октября 2013 г.), с докладом «Н.Н. Страхов – В.С. Соловьев: к основаниям полемики 1888-1894 гг.» на Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования» (Белгород, 21 ноября 2013 г.), с докладом «Об условиях успешного диалога: Г.-Г. Гадамер – О. Розеншток-Хюсси» на II Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» (Белгород, 24-26 апреля 2014 г.), с докладом «О свободе толкования Евангелия (Н.Н. Страхов о Л.Н. Толстом)» на II Международной научно-практической конференции «Евангелие в контексте современной культуры» (Белгород, 16 мая 2014 г.). Концепция диссертации обсуждалась на заседаниях кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

Структура и объем диссертации. Структура диссертации определяется замыслом и логикой исследования, подчинена последовательному решению поставленных задач. Работа состоит из введения, четырех глав, одиннадцати параграфов, заключения, приложения и списка литературы, включающего 362 наименования на русском и иностранном языках. Общий объем диссертации составляет 288 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи диссертации, приводится характеристика теоретико-методологических оснований работы и указываются ее источники, освещается научная новизна исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные по апробации результатов исследования.

В первой главе «Философская герменевтика и философская публицистика в России XIX в.: перспективы возвратного понимания» устанавливается, что историко-философский анализ традиции философской публицистики в русской культуре XIX-XX вв. позволяет выявить герменевтические условия понимания единства русского философского мышления, устойчивые характерные черты философской публицистики в философских журнальных дискуссиях, которые можно наблюдать как во время их масштабного расцвета в литературно-философских и научных журналах конца 50-х – 90-х гг. XIX в., так и на их исторической границе, в герменевтических коллизиях 10-20-х гг. XX в., за которыми последовало вытеснение собственно герменевтической традиции из актуальных практик русских философских исследований.

В первом параграфе первой главы «Герменевтическая проблема в истории русской философской публицистики «долгого» XIX века» очерчиваются основные смысловые контуры русской философской публицистики, ее общий критический настрой. Россия, по замечанию Н.Н. Страхова, принимала участие в европейской культуре XIX века преимущественно через литературу, которая долгое время была заменой социальным наукам и массовой формой научно-гуманитарных практик. В полемичной русской философской публицистике происходило формирование и непрерывная критическая проверка целостного и концептуально плюралистического понимания социальной действительности. Соответственно, стратегии участия в философских публицистических практиках – удел большинства русских мыслителей XIX века – имели герменевтическую перспективу, предполагали установку на лично ответное или, во всяком случае, отчетливо индивидуальное познавательное действие и конкретное аргументативное единство каждого возникавшего таким образом философского разговора.

Русская философская публицистическая герменевтика остро исторична: ее расцвет пришелся на считанные десятилетия XIX века. Драматическое завершение, «прерванный полет» (В.Г. Кузнецов) литературной, публицистической истории философской герменевтики совпадает с прекращением литературного ангажированного «долгого» (Э. Хобсбаум) XIX века – на его внешней смысловой границе 10-20 гг. XX в., с вольным или вынужденным, в целом стремительным уходом мыслителей, воспитанных в

литературоцентричном духе XIX в. Жанровая структура русской философской публицистики напоследок позволяла сторонникам философских партий идеализма и материализма высказаться полно и откровенно, вольно и невольно демонстрируя идейные и поколенческие разногласия, культурно-исторические предпосылки своего спора, в котором не оказалось победителей.

Устойчивые типы и общие черты герменевтико-эпистемологического стиля, развившегося в истории русской философской публицистики XIX в., в последние годы изучаются все подробнее и уточняются в ретроспективном анализе полемического поведения русских ученых и писателей разных профессиональных и социально-политических ориентаций. В современных философско-гуманитарных исследованиях реализуются несколько подходов к прояснению исторических корней отечественной философско-герменевтической традиции. В частности, это работы широкого круга авторов, в той или иной степени причастных современным направлениям культурно-исторической, социальной и гуманитарной эпистемологии.

Важным подтверждением актуальности герменевтической проблемы в русской философской публицистике XIX века являются теоретико-методологические исследования филологов, историков и методологов русской литературной критики. Фактически, работы М.Г. Зельдовича об А.А. Григорьеве раскрывают и подробно обосновывают идею В.В. Розанова, одобренную Н.Н. Страховым, об исследовательском отношении григорьевской «органической критики» к литературным произведениям, сочетающем в себе и эстетическое, и историческое, и биографическое исследования, т.е., по существу, герменевтическом исследовании, без употребления этого слова. Несмотря на свою, традиционную для литературоведения XX века, маргинальность, литературно-публицистическая герменевтика Григорьева и Страхова все настойчивее пробиваются к современным исследователям новаторских методов в истории литературной критики.

В литературно-философской публицистике А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова Н.П. Ильин справедливо усмотрел истоки самобытной русской национальной философии самопонимания как программу формирования «русского типа рациональности, или *национальной культуры понимания*», в которой отчетливо проявляется следование не только принципу историчности нового времени, но и классической средневековой герменевтической формуле, предполагающей четырехуровневое истолкование предмета мышления, что особенно заметно в герменевтических стремлениях Страхова при выявлении «вечных истин».

Для развернутого обоснования гипотезы о самобытном развитии русской герменевтической традиции необходимо междисциплинарное историко-философское, историко-филологическое и историко-научное исследование связей русских герменевтических тенденций с западными традициями, с русскими течениями шеллингианства, гегельянства, органицизма, к которым были причастны Григорьев и Страхов.

Во втором параграфе первой главы «Философская публицистика Н.Н. Стрхова: предпосылки (не)понимания» осуществляется методологический анализ жанра философской публицистики и рассматриваются публицистические работы Н.Н. Стрхова, их герменевтические начала и аргументативные отличия.

Проясняется жанровая и мотивационная противоположность публицистики и исследования и дается общая характеристика участия Н.Н. Стрхова в исследовательских и публицистических проектах XIX столетия в оценках его биографов и современников. На примерах истории развития и позднейшего переосмысления полемик по национальному вопросу, в которых принимал участие Стрхов, показывается, что оппоненты одерживали над Стрховым победы в глазах читателей, но не по существу споров. Стрхов эристически проигрывал потому, что не заботился о полемике, а заботился о философской репутации своих полемических высказываний. Показано, что Стрхов вполне отдавал себе отчет в своем положении в журналистике и вполне признавал свои эристические неудачи, неоднократно сам сообщал о них своим эпистолярным собеседникам. Из этих самоотчетов и комментариев следует, что Стрхов считал участие в полемике, в первую очередь, способом всестороннего освещения некоего общезначимого вопроса для заинтересованного читателя. В полемике Стрхов видел прежде всего и главным образом разговор, диатрибу в исторически снятом, диалектическом смысле, возможность выяснить вопрос с разных точек зрения. Этот общий смысл полемики дополняется личным, специфическим стрховским познавательным бесстрашием – неослабевающим интересом к познавательной точности в разговоре, который требует немало самообладания и интеллектуального мужества. Несмотря на постоянную критику нравов в журналистском сообществе, Стрхов никогда не пытался прекратить спор, всегда до конца аргументировал свою позицию и отвечал на все вопросы. Подчеркивается, что именно благодаря этим полемикам и их обсуждению в искренних письмах можно оценить смысловую точность и исследовательское значение непонятых многими современниками стрховских познавательных «постановок».

Во второй главе «Философия как поиск и разговор: историко-философские ориентации Н.Н. Стрхова» реконструируются формы исторического мышления Н.Н. Стрхова и его общие герменевтические стратегии. Историчность стрховского мышления прослеживается на материалах его историко-философских и литературно-критических исследований.

В первом параграфе второй главы «И. Кант в философских исследованиях Н.Н. Стрхова» рассматриваются случаи обращения Стрхова к кёнигсбергскому мыслителю в его философской публицистике, «заветных» архивных набросках об основаниях научного познания и в многолетней переписке с Л.Н. Толстым и А.А. Фетом.

В порядке реконструкции диалогов Стрхова о Канте уточняется смысловой спектр его толкований философского наследия Канта на

протяжении всей творческой жизни писателя. Реконструкция позволяет наметить ряд основных пунктов кантовского критицизма, вызвавших страховский интерес и неидеологическое, событийное понимание Страховым кантовского «глубочайшего» трансцендентального сомнения. Уточняется метафизическая сдержанность Страхова, стремление уклониться от крайностей фетовского идеологизирующего понимания кантовского скептицизма и тесно связанной с ним идеей свободы мышления, фундаментальной для кантовской философии науки и культуры.

Не менее важным для Страхова оказывается вопрос о природе представления и понятия времени («О времени, числе и пространстве» – неосуществленный замысел позднего Страхова). В параграфе комментируется эпистемологический набросок Страхова о математизации пространства и проблеме гипостазирования научных «построений», предложенный к обсуждению в письме Л.Н. Толстому, ответно увлекавшемуся проблемами математики и ее оснований и пределов. Страхов, сам уверенно мысливший математически, предлагает заглянуть за горизонт математизирующего стиля мышления, опознать его «энтелехию», неявное оцеляющее его начало; усмотреть, вслед за Кантом, неподрасчетный и несомненный в своей истинности порядок человеческой «души», впрочем, частично доступный человеку мыслящему.

С темой априоризма связано размышление Страхова о субъективном, самодеятельном и самодостаточном характере мышления и о вытекающей из этого обязанности самопознания как самопонимания. Выявление и исследование диалектики мышления и созерцания приводят Страхова к переосмыслению историчной «истинной загадки бытия и мышления», выраженной им в книге «Мир как целое» в ярком запоминающемся образе человека как «зрителя мира» – переоткрытии субъектности мышления как реальности «целостного человека познающего» (Л.А. Микешина).

При уточнении смысловых подробностей разговора Страхова с Толстым насчет важнейшего для обоих кантовского вопроса о практическом разуме («что я должен делать?») дает себя знать страховская решимость признать мышление как некое открытое, конкретно-органическое целое, незавершенную и незавершимую в своем конкретно-смысловом единстве жизненную миссию и конкретное дело жизни.

Вовтором параграфе второй главы «Мышление и история: А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов» выявляются эпистемологические контуры органического понимания истории, основы которого с наибольшей ясностью были разработаны А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым.

Особое внимание обращается на условия возможности органического исторического понимания как целостного жизненного действия («исторического чувства») – своего рода герменевтического акта, в котором соотносятся, вступают во взаимодействие различные смыслы исторического познания. А.А. Григорьев, так же как и Н.Н. Страхов, – мыслитель совершенно самобытный и не должен рассматриваться как эпигон Ф.В.Й. фон Шеллинга,

Т. Карлейля или кого бы то ни было из тех, чьим наследником и единомышленником он себя признавал. Приверженность к «живой мысли» и «живому чувству» сделали Григорьева, а за ним и Страхова, оппонентами теоретико-идеологических «исторических воззрений». Считая жизнь органическим – структурно организованным и жизненным, телеологически подвижным – единством, а историю понимая, прежде всего и по преимуществу, как опыт продуктивной веры в это живое длящееся единство, Григорьев полагал таким образом возможность подлинного исторического сознания, возникающего в связи с развитием исторических начал живой человеческой чувственности, ощущения своего жизненного другого. Органическое историческое понимание, по мысли Григорьева, помогает понять, как случилось, что в середине XIX века многие мыслители пришли к сходным идеям отрицания единой общечеловеческой истории и исторической телеологии – ошибочных теоретических схем (ошибки «гегелизма»).

Страхов подхватил и развил философско-литературные идеи старшего друга. Григорьевская мысль о том, что все значительные русские писатели переживают периоды увлечения и борьбы с «чужими» влияниями, но, если они действительно национальные художники, непременно возвращаются к «корням», к народной «почве», стала основой подхода Н.Н. Страхова к творчеству Л.Н. Толстого. Именно этот подход позволил Н.Н. Страхову далеко опередить современников в понимании историчных смыслов толстовского творчества, дать точные в смысловом отношении интерпретации отдельных произведений и целостного опыта художественной деятельности великого русского писателя. В оценке «Войны и мира» Страхов настаивал, что это великое творение Толстого – органический результат длительного развития русской литературы. Также Страхов продолжил григорьевскую критику увлеченности современных ему писателей и поэтов школы «исторического воззрения» понижающими сатирическими и ироническими формами.

В параграфе приводятся различные истолкования понятия «исторического чувства» и подчеркивается его неметафизическое, конкретно-личностное происхождение: конкретную историческую веру вызывает не только, а иногда не столько само произведение, сколько его создатель, личность, воплощающая в себе и исключительный индивидуальный дар, и талант народный, национальный, органически слитый с индивидуальным. Неслучайно Ап. Григорьев подчеркивает естественность распространения биографических истолкований смысла произведений из области словесного творчества на критику пластическую и музыкальную.

В силу постановочного характера исследования, результаты которого предлагаются в параграфе, в его задачи не входило систематическое выявление всего опыта преобразования григорьевского наследия Н.Н. Страховым, как и оценка последствий этого преобразования; здесь важно уточнение общих для Григорьева и Страхова смыслов органического понимания истории, их связь и преемственность. Эта органичность не должна истолковываться в некоем понижающем смысле; это порядок посылно рационального понимания

жизненного единства истории, ее открытой смысловой событийности, несводимой к обособленным или самодовлеющим идеям, критико-методологическим или метафизическим схемам.

В третьем параграфе второй главы «Культурно-исторические исследования философско-научных утопий» выявляются особенности страховского герменевтического анализа предпосылок и стереотипов научного мышления века Просвещения на примере проблематизации и решения вопроса о существовании во вселенной неземных форм жизни и разума в статье (а позднее – главе книги «Мир как целое») под названием «Жители планет». Выявляется существенный для всей системы философских взглядов Страхова и крайне серьезный с точки зрения истории науки характер содержания этой работы, скрытый для большинства читателей за характерной страховской стилизацией, иронией и намеренными умолчаниями.

Рассматриваются приемы анализа Н.Н. Страховым оснований для появления в известных трудах авторитетных ученых – Лапласа, Вольтера, Лейбница, Фонтенеля, Конта – утопических гипотез, обосновываемых с научной серьезностью. Страхов убедительно показывает предпосылочный характер этих оснований, а среди предпосылок скрупулезно различает социально-культурные и индивидуально-биографические предрассудки. Он подчеркивает, что люди науки в этом смысле так же умственно свободны и не более рациональны, чем мечтатели, воплощающие в фантазиях свои заветные возвышенные желания, реализуя таким образом некое общее антропологическое и антропоцентрическое устремление в мировом целом.

Показана актуальность страховской постановки вопроса об основаниях и целях поисков внеземных цивилизаций для современных мировоззренческих и философско-научных исследований.

В третьей главе «Герменевтическое кредо Н.Н. Страхова: онтико-эпистемологические смыслы» выявляются экзистенциально-личностные и коммуникативные установки и контексты мышления и творчества Н.Н. Страхова, преимущественно на материале обширной страховской переписки.

В первом параграфе третьей главы «Самопонимание и “зеркала сочувствия”» анализируется познавательная структура личных отношений и социальных коммуникаций Страхова, в которой он, как признавал сам, оказывался парадоксально одинок. Позиция критического, или точнее, критико-герменевтического дистанцирования от существующих направлений и школ в личном опыте общения и конкретно-социальных взаимодействиях хорошо сознавалась самим Страховым, что подтверждается его многочисленными высказываниями в «исповедальных» письмах к Л.Н. Толстому, в котором он видел «лучшего из людей». Эмпатическая связь с Толстым, никогда не переходившая в поклонение Толстому, позволила ему найти среднюю линию понимания толстовского философского опыта, весьма искушенного в скептическом отношении, далекого от какого бы то ни было теоретического догматизма («фатализма»), вместе с тем, эстетически отзывчивого и

созидательного. Страхов решился истолковать нравственно-религиозный порыв Толстого, его радикализацию опыта веры не с апологетической или осуждающей позиции «зрителя» толстовского мира, а в меру своего собственного понимающего, активного участия в этом мире толстовского единства слова и дела.

Близким и постоянным собеседником Страхова был К.Н. Бестужев-Рюмин, разносторонний историк, создатель первого методологического компендиума исторического познания. И Страхов, и Бестужев, имея безусловно высокую репутацию среди русских мыслителей второй половины XIX столетия, никогда не претендовали на теоретическое лидерство среди них. Оба, каждый в свою меру, выражали глубинное, искреннее смысловое течение своего века – критическое и полемическое отношение ко всеобщим теориям и окончательным теоретическим выводам. В параграфе анализируется и контекстуально комментируется письмо Страхова Бестужеву (1879 г.), в котором Страхов мотивирует свой отказ стать профессором Бестужевских женских курсов. Бестужев знал исключительную научную эрудицию Страхова, блестящий литературный стиль и благородство манер еще со времени активной работы их обоих в петербургской журналистике 60-х гг.; хорошо был известен и страховский многолетний опыт преподавания в гимназиях. О том, что Н.Н. Страхов был хорошо обдуманной и очень желательной кандидатурой, свидетельствует и продолжительность бестужевских уговоров. Отказываясь, Страхов искренне и просто признавался в честолюбивом желании быть профессором и в неготовности им стать в силу отсутствия определенного догматического представления о научной психологии, которую ему предложили читать. Страхова не устраивало и общее состояние психологии как науки, но, в первую очередь, собственный не вполне ясный отчет в некоторых постулатах метафизики души – тех самых, что обсуждались им с Толстым (весной 1878 г.), сразу после публикации страховской статьи «Об основных понятиях психологии» за год до приглашения на курсы.

«Разъедающий» разум, постоянная работа самопонимания усиливали слабость, о которой пишет Страхов, неуверенность в собственных знаниях. Страхов-полемист никогда не сомневался, что сумеет показать слабость своих критиков и оппонентов. Но всегда умолкал, когда от него требовали представить свои собственные тезисы, никогда не прочел ни одной публичной лекции, предпочитая выступления в печати, частные беседы и переписку. Не удивительно, что, зная таким образом свой характер, Страхов искренне советует Бестужеву-Рюмину исключить себя из списка кандидатур на преподавание. «Уверяю Вас, что кого бы Вы ни пригласили, все лучше исполнят, чем я».

Письма Н.Н. Страхова к К.Н. Бестужеву-Рюмину в архиве Пушкинского дома свидетельствуют о том, что до самого конца жизни они дружили и регулярно виделись для общения и обсуждения всех значительных текущих событий, встречая друг в друге не просто образованного и хорошо информированного собеседника, но личность со сходным критическим и

целостно-органическим пониманием главных жизненных ценностей – науки, литературы, отечественной истории.

Таким образом обосновывается, что страховское одиночество – особенное, незавершенное познавательное одиночество служения – парадоксальное следствие его критико-герменевтического рационального самопонимания.

Во втором параграфе третьей главы «На пути к сущему: «вечные истины» в конкретно-познавательной перспективе» уточняется, что главная трудность и неразрешимая проблема Н.Н. Страхова состояла в невыполнимости сверхзадачи рациональной метафизики – познания «Неисследимого» «средствами современного просвещения». Подчеркивается, что Страхов, живший во время Шопенгауэра и Ницше, нарастающего гносеологического пессимизма, призывал научно-философское сообщество выполнять свой «долг», совершенствовать и развивать познание в возможных методологических направлениях.

В параграфе приводятся и анализируются развернутые рассуждения Н.Н. Страхова о типичном методологическом заблуждении эмпиризма, который готов довольствоваться ясностью и определенностью отдельных частных знаний, полагая, что согласование этих многочисленных частных произойдет само собой. Считая целью познания не «отдельные мысли», а действительное целостное понимание предмета, соответствующее онтологии «мира как целого», Страхов настаивал на необходимости специального интеллектуального поиска взгляда, связующего эмпирические частности, рациональной согласующей истины, статус которой, в отличие от высших духовно-религиозных истин, может и должен быть удостоверен рационально-логическими процедурами.

Страховское требование преодоления «воздушности» мышления, конкретно-жизненной постановки и разрешения вопросов научно-философского познания хорошо заметно в статье Н.Н. Страхова «О законе сохранения энергии». Статью эту Страхов написал, актуально откликаясь на раздражавшее его некорректное употребление слова «энергия»: не только Л.Н. Толстой, но и молодые образованные писатели, признававшие себя учениками Страхова, – В.В. Розанов, Н.Я Грот и их круг – стали устойчиво повторять метафорически суждения о «психической энергии», «органической энергии» с некоторой неметафорической серьезностью, подменяя анализ «вечных истин» практикой онтологически-речевых заблуждений. Деметафоризация и логико-эпистемологическое разоблачение этих заблуждений у Страхова осуществляется как разбор предпосылок и неявных актов познавательной веры конкретных авторов конкретных текстов. Страхов доводит анализ ошибки до последней степени ясности данного заблуждения как нарушения одного из основных законов логики – закона достаточного основания в вопросе о «жителях планет», закона тождества в проблеме понимания «силы» и «энергии», закона противоречия – в нигилистских толкованиях понятия справедливости. «Вечные истины», по мысли Страхова, в познавательной перспективе ограничивают самостоятельность и производ

отвлеченного от предмета мышления, занятого производством теоретических схем.

В третьем параграфе третьей главы «Эпистемологический стиль Н.Н. Страхова: ответные смыслы» проводится анализ некоторых герменевтических особенностей («хитроумия») языка и стиля письма Н.Н. Страхова.

Ставится вопрос о смысле и значении противоречивой репутации Н.Н. Страхова у современников как писателя ученого, эрудированного, пронизательного, тонкого и глубокого, и в то же время – «хитрого», «лукавого», «уклончивого» и т.п. Рассматриваются характеристики страховского стиля, данные его современниками – знатоками его работ; эти характеристики сопоставляются с высказываниями самого Страхова о стиле и методе письма вообще и о собственных мотивах писательского поведения в частности.

Так, обнаруживается, что в одной из статей («Жители планет») Страхов между прочим описал стратегию умолчания как «мудрость тех, кому нечего говорить»: поскольку писатель не может «вовсе молчать», а высказавшись об одном предмете, мы неизбежно определим свое отношение и к некоторым другим, о которых умолчали, по-видимому, – такими недвусмысленными намеками полны страховские статьи не только по цензурным соображениям, но часто – в силу чрезвычайной сложности вопроса и нежелания высказаться неточно. Сказать посредством утаивания – один из характернейших страховских приемов, веское основание для обвинений в хитрости умолчания, способ сказать не для всех, но для тех, кто и сам уже почти понимает, своею мыслью движется в том же направлении. При этом даже самые благодарные читатели Страхова – Л.Н. Толстой и В.В. Розанов – настойчиво советовали Н.Н. Страхову выговорить с полной откровенностью свои самые глубокие убеждения, религиозные воззрения и т.п., чем неприятно его удивляли. Личная скромность и невозможность высказываться ясно о неуловимых предметах казались Страхову достаточными основаниями для воздержания от суждения.

Вопрос о страховской «хитрости» рассматривается и на примере работы «Об основных понятиях психологии и физиологии» и реакции на нее. Осторожная остановка перед субъективностью, перед непознаваемостью познающего я методами экспериментальной психологии спровоцировала новую волну упреков в хитрости, в уклонении от решительного выбора между философско-психологическими «лагерями». Приводится пример ошибочной интерпретации основных тезисов этой работы А.И. Введенским.

Подчеркиваются терпение и терпимость, с какими Страхов вступал в дискуссию с любым оппонентом – видимо, и это спокойствие было принято за лукавое лицедейство, за хитрое притворство. Между тем, внимательное чтение статей и переписки постепенно убеждает: Страхов действительно умел «переваривать» всё. Страхов всегда старался вызвать оппонента на спор, на разъяснение своих аргументов, на обсуждение конкретных пунктов разногласия. Особенно важно было для Страхова видеть логику, метод

рассуждения, и он, вскрывая достоинства и недостатки чужих «постановок», никогда не прятал и своих, наоборот, всячески провозглашал и демонстрировал свою излюбленную гегелевскую диалектику понятий, радовался всякому критическому указанию на свои ошибки.

Страховская «хитрость» должна быть интерпретирована не только в конструктивном ключе, но и как слабость, тщательно скрываемая от оппонентов, особенно, от фанатичных приверженцев всяческих «-измов».

Н.Н. Страхов не мог отрицать и не отрицал своей литературной хитрости-изобретательности – стремясь к максимальной полноте и глубине выражения мысли, он пользовался самыми разнообразными приемами и стилями, чем, видимо, заодно удовлетворял свою литературно-эстетическую потребность, иногда в ущерб научно-философской точности и ясности. В переписке Страхов этим вопросам отводит много места, внимательно прислушивается к критике и признает свои неудачи в поисках адекватных форм выражения. Единственное, против чего Страхов негодовал и обижался, это когда он слышал упреки и подозрения не в хитрости, но во лжи – здесь он переставал понимать шутки и становился совершенно бескомпромиссным.

В целом, стилистика рефлексивности затрудняла восприятие философского творчества Н.Н. Страхова ближайшими современниками, но именно она особенно важна для появления и развития интереса к его наследию в научно-гуманитарном сообществе нашего времени.

В четвертой главе «Полемика и понимание: герменевтика несогласия и преемственности» анализируются герменевтические принципы социально-философских исследований Страхова, предпосылочные основания его полемики с Вл. Соловьевым и критико-герменевтические установки общения с кругом ближайших учеников.

В первом параграфе четвертой главы «Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова» рассматриваются общие подходы к постановке национального вопроса, которые предложил Н.Н. Страхов в диалоге и полемике с современниками. Характеризуется специфика интеллектуального «почвенничества» Н.Н. Страхова и уточняется предпочитаемая им герменевтико-критическая форма социального мышления. Фиксируется необходимость «второй навигации» по отношению к вопросу о национально-культурной идентичности русской мысли.

Анализируются социально-исторический и литературно-философский контексты актуализации вопроса о национально-культурной идентичности в опыте Н.Н. Страхова. Подчеркивается, что в форме литературной критики почвенники Ап. Григорьев и вслед за ним Н.Н. Страхов ставили вопрос не внешним образом – о «национальных интересах», «чертах национального своеобразия», «национальном характере» и т.п., а с точки зрения понимания духовных основ исторического поведения и исторических взаимоотношений народов. Во время польского восстания 1863 г. Страхов призывал («Роковой вопрос») не просто воспрепятствовать попытке нарушения государственной целостности, но разобраться с причинами межнациональной вражды. Вникая во

«внутреннее настроение двух племен», стараясь «возможно глубже проследить за источниками внутренней боли, которая отзывается в них при взаимной борьбе», он призвал общественное мнение и власти позаботиться «о том, как должны измениться настроения племен, чтобы можно было надеяться на нравственное исцеление». Страхов и Григорьев поднимали вопрос об основаниях духовного противоборства «своего с чужим» с непонятной для большинства современников глубиной, ставили вопрос преемственно и асимметрично по отношению к традиции европейской рациональной метафизики национального, создавая тем самым новую традицию холистического мышления, ответно-рационального, «свободного консерватизма» (П.А. Ольхов).

Наиболее правильной журнально-публицистической формой, общедоступной и способствующей развитию у читателей национального самосознания, Страхов считал обсуждение вопроса об ученичестве и подражательстве. Надо ли России учиться у Европы? Можем ли и должны ли мы обустроить свою жизнь по западному образцу? Самостоятельность в суждениях, самобытность мышления, стояние на своих ногах, чувство почвы под ногами – не только главная забота Страхова и основной мотив всех его статей, книг, переписки с великими современниками и молодыми почитателями-учениками, но и его важнейшее методологическое требование.

Для уточнения герменевтической отзывчивости и критико-полемической стойкости Страхова наибольший интерес представляют его размышления о работе «Россия и Европа» его близкого друга Н.Я. Данилевского. Оказав безусловную поддержку этому труду как выдающейся интеллектуальной инициативе, отдав должное основательности и самобытности мысли Данилевского, он вовсе не признал содержащуюся в нем теорию культурно-исторических типов некоей окончательной истиной. Главную заслугу Данилевского Страхов увидел в органической полноте его взгляда на историю (теории культурно-исторических типов).

Внезапная, оскорбительно внешняя критика теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, предпринятая В.С. Соловьевым, – фактически обвинение в прямом плагиате, которое было предъявлено трудам покойного Данилевского, и последовавшая за этим долгая полемика Страхова и Соловьева о познавательном статусе теории Данилевского, способствовали, между прочим, прояснению и детализации страховской герменевтико-критической позиции по национальному вопросу. Страхов вынужден был отвечать, разочаровываясь в соловьевских познавательных установках и все более обстоятельно проявляя свои. Poleмика была поучительно неудачной для обеих сторон. Можно предположить, что в ходе этой полемики более всего Страхов ждал среди откликов и мнений о книге Данилевского таких, в которых были бы сформулированы новые типологически ориентированные суждения о русском национальном типе, характере, обычаях, чертах культуры и т.п., прояснялась бы неоднозначность национального сознания и самосознания, так уже богато выраженных в образах русской литературы, но мало и туманно

отраженных в критике и публицистике. Эти ожидания оказались по большей части напрасными. В последние годы жизни Страхов потому, видимо, и не хотел продолжать писать на эту тему, что видел необъятность исследовательских задач для прояснения понимания национального характера, культурных основ языка, экономики, государственности, религии, в общем и на исторических примерах охарактеризованных в «России и Европе», но не приведенных еще к ясному понятию ни в какой из отдельных областей культурно-исторических типологических исследований.

Во втором параграфе четвертой главы «Эпистемологическая асимметрия (контуры спора В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова)» излагаются результаты диссертационного исследования, предпринятого в области предпосылочных оснований спора крупнейших русских мыслителей, В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова, предметом которого была оригинальность концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Особое внимание обращено на ценностно-эпистемологическую асимметрию, которая возникла в ходе этого спора и отчетливым образом проявилась в его стилистических контурах.

Спора этого не должно было быть, но он состоялся. Его исследование требует особого внимания к его смысловой возможности, тем ценностно-эпистемологическим контурам, в которых он возник и никак не прекращался. Положение каждого из участников спора – признанных интеллектуалов своего времени – заставляет недоумевать всех, кто вникает в его историю. Со стороны В.С. Соловьева этот спор начался и происходил как «странность» (А.Ф. Лосев), некий розыгрыш, игровая расправа с концепцией, автор которой уже не мог ему ответить, а затем и с ближайшим другом автора концепции и близким товарищем самого Соловьева – мыслителем, годившимся ему в отцы, остро рациональным и нравственно щепетильным философом. Со стороны Н.Н. Страхова этот спор – с дерзким, молодым и модным интеллектуалом, пусть и искусным в своих полемических построениях, – был своего рода потерей лица. Аргументативная структура этого спора не менее странна: Соловьев допускает в нем простые уловки и делает ошибки логического характера; Страхов, не решаясь на прямое порицание вдруг проявившейся ученической небрежности оппонента, аргументирует к точности перевода, которую не соблюдает Соловьев, и пр.

Познавательное разнообразие жизненных занятий Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева вполне описывается при помощи того понимания стиля, которое было предложено Бюффеном: *le style, c'est l'homme*. Спор Страхова и Соловьева, эпистемологически, с самого начала есть стилистическое разногласие, конфликт «эпистемологических стилей», за каждым из которых – разные смысловые миры.

В параграфе дается последовательное описание нарастания агрессивности и неадекватности полемического поведения Соловьева и встречно растущего недоумения и разочарования Страхова во всем процессе. Весь спор Н.Н. Страхов ведет в поисковом, философском ключе. В.С. Соловьев –

наоборот – всегда уже сначала знает, как должно быть; его стиль – «стиль уверенности», уверенного в своей победе интеллектуального игрока. Убедившись, что В.С. Соловьева истина в данном случае вовсе не заботит, Н.Н. Страхов, конечно, должен был выйти и вышел из разговора.

Стилистическая «разноголосица» (Н.Н. Страхов), не принесла особой пользы ни одной из обсуждаемых концепций, но оказалась герменевтической коллизией, конфликтом в области предельных жизненных смыслов.

В третьем параграфе четвертой главы «Н.Н. Страхов в кругу учеников: В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ф.Э. Шперк. Герменевтические установки общения» рассматриваются творческие отношения Н.Н. Страхова с представителями следующего поколения русских философов – В.В. Розановым, Ю.Н. Говорухой-Отроком и Ф.Э. Шперком. Анализируются герменевтические установки в общении учителя с учениками и их пределы. Показано сочетание принципов свободы и ответственности в передаче традиции философского критического мышления и литературной «органической критики».

Страхов как опытный критик и публицист интересовал в 80-90-е годы XIX в. многих молодых журналистов с философскими наклонностями, в том числе благодаря все более успешным переизданиям своих работ за многие годы в книжных сборниках статей (три книжки знаменитой «Борьбы с Западом», «Из истории литературного нигилизма», «Критические очерки» в двух томах и другие). Тем, кто вошел с ним в прямое общение, Страхов заботливо помогал войти в философскую журналистику, найти свой стиль, тему, свое авторскую стилистическую позицию. Его молодые преемники (и по существу ученики, хотя «единственным учеником» Страхова признавал себя В.В. Розанов) понимали собственные исследовательские перспективы в духе принципов «органической критики» Ап. Григорьева – не эстетически только и не в служении социальной злобе дня, а как духовную задачу, решаемую художником и проясняемую для читателя критиком. Герменевтические стратегии философской публицистики Страхова были руководящими для литературно-аналитической работы Говорухи-Отрока. Сторонником и продолжателем традиции «органической критики» был и Ф.Э. Шперк, человек с оригинальным, свободным и страстным опытом мышления. В параграфе указываются многочисленные случаи герменевтических переключений между Н.Н. Страховым, В.В. Розановым, Ю.Н. Говорухой-Отроком и Ф.Э. Шперком.

В сравнительном ключе рассматриваются некоторые личностные предпосылки и философско-литературные исторические контексты развернутых очерковых высказываний преемников (учеников) Страхова, сделанных незадолго до и сразу после смерти философа. Авторы анализируемых материалов демонстрируют герменевтическую чуткость и ответные наследия учителя собственные стратегии философского понимания. Рассмотрение этих работ позволяет обнаружить постепенное нарастание герменевтической дистанции и, помимо того, изменения в базовых характеристиках и оценках творческой личности и философского мышления

Н.Н. Страхова. И прежде Страхов виделся разным «наблюдателям» в разном свете их собственных предпосылок: никто не мог вполне причислить его к своему лагерю, удержать под своими «знаменами», но каждый при желании всегда находил у него подтверждения своим самым заветным идеям, – впрочем, так же как и оппонент находил в его трудах свои опровержения. Страхов много спорил со своими современниками по актуальным проблемам развития науки, литературы, общественных идей и снискал у наиболее идеологически решительных репутацию писателя, у которого «все только тонкая и верная критика, да разные “уклонения”, “умалчивания”, “нерешительность” и “притворство”». Но так о нем судили люди, сформировавшиеся в бурные полемические 60-е годы, его боевитые сверстники-концептуалисты. Когда же в большой философский разговор вступили «дети» страховского поколения – Вл. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. Я. Грот и пр., а ровесники стали один за другим стремительно уходить, Н.Н. Страхов оказался в конце своей жизни в ситуации «отцов», которых судят уже не только с точки зрения их правоты и убедительности, но и с точки зрения продуктивных предрассудков нового времени, новой «эпохи». Страхов откровенно был рад узнать, что он интересен молодым поколениям, внимательно следил за новыми именами в литературе и радовался каждому новому таланту. Можно обнаружить немало интересных проявлений «духа новых генераций», поколенческих черт различия в понимании личности и творчества философа, в которых дает себя знать смысловое остранение страховского философского наследия, которое должно было бы еще через поколение преобразоваться в исторический разбор и оценку его места и значения в русской философии, науке, литературе XIX в.; в силу трагического поворота истории (предсказанного и самим Страховым в его «Письмах о нигилизме») этот исторический разбор и оценка оказались отложенными до нашего времени.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы по основным вопросам и намечаются перспективы дальнейшего изучения герменевтических стратегий в философской публицистике Н.Н. Страхова.

Основные идеи диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (37 публикаций общим объемом 28,25 п.л.):

Монографии

1. Мотовникова, Е.Н. Полемика и понимание: Философские очерки мышления и личности Н.Н. Страхова. Монография / Е.Н. Мотовникова, П.А. Ольхов. – М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 200 с. 12,5 п.л. (в соавт. с Ольховым П.А.) Авторский вклад: 6,25 п.л.
2. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Б.И. Пружинин, Л.А. Микешина, ... Е.Н. Мотовникова и др. / отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 599 с. (37,5 п.л.)

(Коллективная монография). Авторский вклад: раздел 3, глава «Чужие» или «Другие»? Культурно-исторические метаморфозы проблемы внеземных цивилизаций. – С. 411–424. (0,5 п.л.)

3. Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. Коллективная монография / Т.Г. Щедрина, П.А. Ольхов, ... Мотовникова Е.Н. и др. / под общ. ред. Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 526 с. (33 п.л.) Авторский вклад: раздел 2, глава Интерпретация на границе веры и безверия (аргументативные стратегии А.И. Введенского и В.А. Тер-Ваганяна). – С. 239–263. (1,2 п.л.)

Статьи, опубликованные по перечню ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК РФ

4. Мотовникова, Е.Н. К проблеме истоков русской философской герменевтики / Е.Н. Мотовникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 224-226. [Электронный ресурс] URL:http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/21/philosophy/motovnikova.pdf(0,3 п.л.)

5. Мотовникова, Е.Н. И.Н. Грифцова : образ логики (герменевтический этюд) / Е.Н. Мотовникова // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 3. – С. 229-231. (0,1 п.л.)

6. Мотовникова, Е.Н. История как жизненное целое: А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов в поисках органического понимания истории / Е.Н. Мотовникова, П.А. Ольхов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 88-95. (0,8 п.л.; авторский вклад: 0,4 п.л.)

7. Мотовникова, Е.Н. Кредо Н. Н. Страхова (опыт самопонимания в переписке с П. Д. Голохвастовым) / Е.Н. Мотовникова, П.А. Ольхов // Вопросы философии. – 2015. – № 9. – С. 114-128. (1 п.л.; авторский вклад: 0,5 п.л.)

8. Мотовникова, Е.Н. Н. Н. Страхов и К. Н. Бестужев-Рюмин: взаимность критического понимания / Е.Н. Мотовникова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 58-67. (0,7 п.л.)

9. Мотовникова, Е.Н. Зеркала сочувствия: мышление и личность Н.Н. Страхова в истолкованиях Ф.Э. Шперка и Ю.Н. Говорухи-Отрока / Е.Н. Мотовникова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 136-144. (0,9 п.л.)

10. Мотовникова, Е.Н. Эпистемологическая асимметрия (контуры спора В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова) / Е.Н. Мотовникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 329-332. [Электронный ресурс] URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/12/philosophy/motovnikova.pdf (0,5 п.л.)

11. Мотовникова, Е.Н. Н.Н. Страхов и его ученики: герменевтические установки общения / Е.Н. Мотовникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 10. – С. 184-187. [Электронный ресурс] URL:

http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10/philosophy/motovnikova.pdf

(0,4 п.л.)

12. Мотовникова, Е.Н. Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова / Е.Н. Мотовникова // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 69-78. (1 п.л.)

13. Мотовникова, Е.Н. «Под знаменем марксизма» – «Мысль»: герменевтическая коллизия 1922 года / Е.Н. Мотовникова // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 123-136. (1,3 п.л.)

14. Мотовникова, Е.Н. К метафизике метода Н.Н. Страхова / Е.Н. Мотовникова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 123-130. (1 п.л.)

15. Мотовникова, Е.Н. Социальность и язык: к методологическим стратегиям реинтеграции / Е.Н. Мотовникова // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 32-41. (1 п.л.)

16. Мотовникова, Е.Н. Н.Н. Страхов: искусство мысли и искусство слова / Е.Н. Мотовникова // Высшее образование в России. – 2012. – № 5. – С. 127-134. (0,7 п.л.)

17. Мотовникова, Е.Н. «Вечные истины» в методологической перспективе Н.Н. Страхова / Е.Н. Мотовникова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 48-50. [Электронный ресурс] URL: <http://www.teoria-practica.ru/-4-2012/philosophy/motovnikova.pdf>

(0,35 п.л.)

18. Мотовникова, Е.Н. Общение и одиночество: сфера разговора Н.Н. Страхова / Е.Н. Мотовникова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2. – С. 52-55. (0,4 п.л.)

19. Мотовникова, Е.Н. Философская публицистика Н.Н. Страхова: предпосылки (не)понимания / Е.Н. Мотовникова // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 88-96. (1 п.л.)

Статьи и тезисы

20. Motovnikova, Elena N. National Culture: On the Hermeneutical Contour of «Fateful Question» in Russia / Е.Н. Мотовникова, В.В. Липич, П.А. Ольхов // The Social Sciences. – 2015. – № 10 (6). – P. 1269-1272. (0,3 (0,1) п.л.)

21. Мотовникова, Е.Н. Проблема критериев демаркации формальной и неформальной логик: К предпосылкам и последствиям / Е.Н. Мотовникова // РАЦИО.ru. – 2015. – № 14. – С. 56-66. (0,5 п.л.)

22. Мотовникова, Е.Н. О свободе толкования Евангелия (Н.Н. Страхов о Л.Н. Толстом) / Е.Н. Мотовникова // Евангелие в контексте современной культуры: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 700-летию

преподобного Сергия Радонежского / под ред. М.С. Жирова, Т.И. Липич, С.М. Дергалева. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2014. – С. 41-44. (0,2 п.л.)

23. Мотовникова, Е.Н. Об условиях успешного диалога: Г.-Г. Гадамер – О. Розеншток-Хюсси / Е.Н. Мотовникова// Культура. Политика. Понимание : материалы II Межд. науч. конф., 24-26 апреля 2014 г. Белгород – государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле» / сост. С.В. Бацанова; науч. ред. Е.Н. Чижова, И.А. Монастырская, П.А. Ольхов, Н.З. Бросова и др. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2014. – С. 177-180. (0,2 п.л.)

24. Мотовникова, Е.Н. Н.Н. Страхов – В.С. Соловьев: к основаниям полемики 1888-1894 гг. / Е.Н. Мотовникова// Общество. Человек материалы Междунар. науч-практ. конфер. «Приоритетные направления в развитии соврем. общ-ва: междисциплинарные исследования». Часть 2: Традиции и современность: духовное наследие Владимира Соловьева / сост. С.В. Бацанова; науч.ред. д-р экон. наук, проф. Е.Н. Чижова; Белгор. гос. технол. ун-т; Белгор. регион. отд-е РАЕН. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2014. Вып. XXI. Ч.2, 2014. – С. 95-112. (1 п.л.)

25. Мотовникова, Е.Н. К проблеме методологического статуса интерпретации / Е.Н. Мотовникова// Конвенция как методологическая стратегия социально-гуманитарного знания. Материалы научной конференции. Владивосток 14–19 октября 2013 г. / Отв. ред. Ф.Е. Ажимов, науч. ред. Т.Г. Щедрина. – Владивосток: Изд. дом ДВФУ, 2013. – С. 114–116. (0,2 п.л.)

26. Мотовникова, Е.Н. Духовная культура: к проблеме разговора / Е.Н. Мотовникова// Евангелие в контексте современной культуры : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. г. Белгород, 15 мая 2013 г. / под ред. М.С. Жирова, Т.И. Липич, С.М. Дергалева. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 143-145. (0,15 п.л.)

27. Мотовникова, Е.Н. Славянский вопрос в философской публицистике Н.Н. Страхова / Е.Н. Мотовникова// VIII междун. науч.-практ. конф. «Проблемы гармонизации многонациональных отношений на постсоветском пространстве» 19 декабря 2012 г. Сб. материалов / Рус. нац.-культурное общ-во Харьковской области. Харьковский центр этнополитики. – Харьков: Изд-во Харьк. нац. технич. ун-та «Харьковский политехнический институт», 2013. – С. 97-101. (0,3 п.л.)

28. Мотовникова, Е.Н. Одиночество мыслителя: Классика или маргиналия? (случай Н.Н. Страхова) / Е.Н. Мотовникова// Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 1. – С. 207-223. (0,9 п.л.)

29. Мотовникова, Е.Н. Единство научного знания как культурно-историческая проблема (к органической типологии Н.Н. Страхова) / Е.Н. Мотовникова// Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. – С. 57. (0,1 п.л.)

30. Мотовникова, Е.Н. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: к онтологическим основаниям одного исторического спора / Е.Н. Мотовникова// Писатель и

литературный процесс: сборник научных статей / отв. ред. И.И. Кулакова. – Белгород: ЛитКараВан, 2011. – С. 180-196. (1,2 п.л.)

31. Мотовникова, Е.Н. Философия в современной России: теоретический семинар в Белгородском государственном университете. Материалы дискуссии по книге В.Л. Махлина «Второе сознание: на подступах к гуманитарной эпистемологии» / Е.Н. Мотовникова, Н.З. Бросова, П.А. Ольхов// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. – 2010. – № 1. – Т. 2. – С. 233–244. (0,8 (0,2) п.л.)

32. Мотовникова, Е.Н. Стратегии понимания: коллизии социальной аргументации / Е.Н. Мотовникова// Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала, Всерос. конф. (2009; Москва-Белгород). 4-я Всерос. конф. «Проблемы российского самосознания», 27-29 мая 2009 г. / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: М.Н. Громов и др. – М.: ИФ РАН, 2010. – С. 236-242. (0,4 п.л.)

33. Мотовникова, Е.Н. К проблеме социального диалога / Е.Н. Мотовникова// Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: Материалы Второго международного симпозиума 18-19 мая 2006 г. в 2 т. / под ред. Ю.М. Сердюкова. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2006. – С. 40-43. (0,3 п.л.)

34. Мотовникова, Е.Н. Язык общества и языки обществознания / Е.Н. Мотовникова// Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. – № 2. – С. 13-23. (1,2 п.л.)

35. Мотовникова, Е.Н. К аргументационно-риторическим практикам социологического сообщества / Е.Н. Мотовникова// Проблемы теории познания. Вып. 1. Сб. ст. – Петр.-Камч.: Изд-во КГПУ, 2003. – С. 36-47. (0,6 п.л.)

36. Мотовникова, Е.Н. О философии языка и языке философии / Е.Н. Мотовникова// Рационализм и культура на пороге III тысячелетия. Материалы Третьего Российского Философского Конгресса. В 3 т. Т. 3. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – С. 104-105. (0,2 п.л.)

37. Мотовникова, Е.Н. Из логики выходящий: мировоззренческий горизонт О. Розенштока-Хюсси/ Е.Н. Мотовникова // В поисках мировоззрения XXI века. Межвуз. сб. науч. трудов. – Хабаровск: ДВГУПС, 2002. – С. 76-99. (2 п.л.)